

Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенең Ш.Мәржани исем. Тарих институты
Институт истории имени Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан
Sh.Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

ИСТОРИЯ ТАТАР ЗАПАДНОГО ПРИУРАЛЬЯ

Том I

Кочевники Великой степи в Приуралье.
Татарские средневековые государства

§ 4. Кимакский каганат

Булат Кумекоев

После распада Тюркского каганата образовались тюркские государства, продолжившие древнетюркские традиции, среди которых был и Кимакский каганат. Ранний этап истории кимаков был связан с племенем яньмо, отмеченным в китайских источниках в связи с событиями VII в. в западнотюркской среде. Синологи отождествляют яньмо с племенем йемек (имек), которое, как считает большинство исследователей, является фонетической разновидностью имени кимак. Яньмо, одно из телеских племен, в начале VII в. обитало в бассейне Кобдо, в северо-западной Монголии. На востоке от них находились огузы, а на юге расселялись тюргеши и карлуки. К середине VII в. имеки (кимаки) откочевали в районы севернее Алтайских гор и в Прииртышье. Обособление этого племени происходит после падения Западнотюркского каганата в 656 г. Скорее всего, именно в это время возникает ядро кимакского племенного союза. Глава племени кимаков носил титул «шад-тутук». Титулы «шад» и «тутук» были широко известны в тюркской среде и неоднократно упоминаются в древнетюркских рунических надписях VII–IX вв.

Во второй половине VIII – начале IX в. происходит движение кимакских племен в трех направлениях: на северо-запад к Южному Уралу (в основном кипчаков), на юго-запад к бассейну Сырдарьи, на юг в пределы Северо-Восточного Семиречья. Между 766 и 840 гг. кимаки заняли территорию Западного Алтая, Тарбагатай и Алакольской котловины, дойдя до северных пределов токуз-гузов, обитавших в Восточном Туркестане. Граница между ними проходила по Джунгарскому хребту.

После распада в 840 г. Уйгурского каганата в Центральной Монголии часть входивших в него племен (татар, эймур, баяндур) присоединилась к ядру кимакского объединения. Именно в это время складывается кимакская федерация в составе семи племен. Теперь глава кимакских племен стал носить титул байгу (ябгу). Титул ябгу по степени своего достоинства был выше шادا. Известно, что титул ябгу носила правящая верхушка различных тюркоязычных народов – карлуков, огузов, уйгуров и др.

Таким образом, в конфедерацию кимакских племен вошли и татары, объединение которых (токуз-татар) в предшествующее время входило в состав токуз-гузов

Центральной Азии и было связано с ними тесными политическими и культурными узами. Союз кимакских племен не стал образованием, основанным на кровнородственных связях, а базировался на принципах территориально-административных отношений. В социальном плане объединение кимаков стояло над родоплеменными структурами, ибо племена в нем были связаны между собой иерархическими и вассальными отношениями, строго регламентированными устоями общества.

В начале IX в. кимаки продвинулись к Сырдарье, затем в союзе с карлуками помогли огузам нанести поражение и вытеснить кангаро-печенежские племена из Сырдарьи и Приаралья.

Образование кимакского каганата. Бурные события второй половины VIII – IX вв., в ходе которых кимакские племена прочно укрепились на территории от Среднего Иртыша до Джунгарских ворот и продвинулись на запад вплоть до Южного Урала и бассейна Сырдарьи, дали толчок развитию государственных организаций кимаков. Первое упоминание о государственном образовании у кимаков появляется в арабоязычных историко-географических сочинениях конца IX – начала X в. Так, историк и географ IX в. ал-Якуби, отличающийся широкой осведомленностью и сравнительно высокой точностью своих сообщений, упоминает о государственности кимаков и других тюркоязычных народов: «Туркестан и тюрки делятся на несколько народностей и государств (мамалик), в том числе: карлуки, токузгузы, кимаки и огузы. У каждого племени тюрков отдельное государство, и одни из них воюют с другими». Любопытные сведения о кимаках имеются у Ибн ал-Факиха (X в.), который пишет, что огузы, токузгузы и кимаки – самые сильные из всех тюрков – имеют царей. А классические арабские географы ал-Истахри и Ибн Хаукаль сообщают о том, что «в пределах тюрков (их) цари отличаются сообразно их государствам».

Могущество кимакского правителя было значительным. Со времени сложения у кимаков каганата в конце IX – начале X в. их царь стал носить высший тюркский титул – каган (хакан). «Хакан – главный царь тюрков. Хакан – это хан ханов, то есть предводитель предводителей, подобно тому как персы говорят шаханшах», – констатирует среднеазиатский ученый X в. ал-Хорезми. Титул каган стоял на две ступени выше, чем титул ябгу.

Таким образом, по мере социального и политического развития кимакского общества от племени до государственного образования шел последовательный переход в титулатуре их глав, от низшей ступени к высшей, от шад-татука и ябгу до кагана. В сравнительном плане для знати древних тюрков была характерна следующая градация: шад, ябгу (улуг шад), кичиг каган, улуг каган. Как видно, связь между кимакской и древнетюркской титулатурами бесспорна, и она указывает на преемственность между кимакской средой и древнетюркской прародиной.

Каган кимаков обладал реальной властью, в пределах своего государства он назначал правителей, которые были представителями племенной знати. Институт наследственной передачи власти имел место не только внутри каганской семьи и ханского рода, но и наблюдался у племенной знати. Так, уделы одиннадцати управителей кимакского кагана передавались по наследству детям этих управителей.

В процессе образования кимакского каганата, так же как и при создании племенных объединений, большую роль играли военные институты. Управители были в то же время и военными вождями, которые за службу получали от хакана уделы. Удельные владения выставляли кагану определенное количество войска. Этническая среда в этих уделах, скорее всего, состояла в основном из представителей одного и того же племени. Зарождение удельно-племенной системы было следствием крупных

перемен в общественном строе. Владельцы уделов, как обычно, находились в подчинении кимацкого кагана. Вследствие единения военного и административного начал управители-вожди, стоявшие во главе крупных племенных объединений, стремились укрепить индивидуальные кочевые хозяйства и упрочить свой политический вес. Некоторые из них превращались в полузависимых ханов, стремившихся при благоприятных условиях к захвату верховной власти в государстве. Арабский географ ал-Идриси (XII в.), использовавший при описании страны кимаков книгу, созданную сыном кимацкого кагана Джанахом ибн Хакан ал-Кимеки (X или XI в.), пишет о наличии у кимаков ряда самостоятельных владений во главе с правителями. Их резиденциями служили города, окруженные стеной, и надежно укрепленные замки-крепости, часто располагавшиеся на возвышенных местах. Здесь правители содержали многочисленное войско. Богатство и склады их хранились в городах и крепостях, расположенных в неприступных горных областях, тщательно охраняемых по указанию хана (малик). Ставка кагана кимаков, его орда, располагалась в г. Имекия (или Кимекия), который был окружен укрепленной стеной с железными воротами. В городе находилось его многочисленное войско и его казна. По существу, различий между каганской властью и властью государственной не было.

Сведения персидского анонима «Худуд ал-алам» (X в.) об одиннадцати управителях, а также сообщение ал-Идриси о том, что «у хакана кимеков хаджиб, везиры, справедливое и благополучное государство», позволяют думать о наличии аппарата управления. Как бы примитивна ни была государственная власть, она, однако, есть прежде всего результат социального расслоения общества. Косвенные данные средневековых источников недвусмысленно свидетельствуют о социальной дифференциации в кимацкой структуре. Персидский историк Гардизи (XI в.) указывает на то, что кочевники в кимацкой среде «пасли табуны своих господ», а также отмечает: «на зиму они (т.е. кимаки) заготавливают сушеное мясо, баранье, лошадиное или коровье, каждый по мере своих средств». Согласно аль-Идриси, только знатные могли носить одежду из красного и желтого шелка, подчеркивая тем самым свое привилегированное положение по отношению к рядовому кочевнику. По сведениям этого же автора, в городах кимаков наряду с конными имелись и пешие войска. Несомненно, контингент пеших войск, как обычно, был представлен двумя категориями людей: разорившимися кочевниками и пленными. Археологический материал из захоронений кимацких племен также ясно свидетельствует о различиях в ценности и объеме инвентаря, положенного вместе с погребенными.

Глубокое имущественное неравенство в кимацком обществе, с одной стороны, вело к образованию кочевой аристократии, а с другой – к разорению значительной массы рядовых кочевников. Очевидно, часть лишившихся скота кочевников вынужденно переходила, как об этом свидетельствует знаток тюркской среды Махмуд ал-Кашгари (XI в.), к оседлости (ятуки). Ятуки занимались ремеслами, рыболовством, оседали на зимовках, жили в небольших поселениях вокруг кочевнических ставок, постепенно перераставших в города. Средневековые города вскоре становились не только военно-административными центрами, но и местом средоточия торговли, ремесла и земледелия.

О существовании в кимацком государстве налоговых сборов можно предположить по тому факту, что из золота, собираемого тюрками по береговой линии кимацкого моря, их царь брал обязательную долю, а остатком довольствовался владелец.

Кимаки знали письменность, об этом свидетельствует арабский путешественник Абу Дулафа (X в.): «У них растет тростник, которым они пишут». По всей вероятности, кимаки писали тростниковыми перьями и пользовались древнетюркским алфавитом. Об этом же говорят находки из Прииртышья и из Тарбагатайских гор – бронзовые зеркала с древнетюркской надписью, датированные IX–X вв.

В IX – начале XI в. у кимаков бытовали древние тюркские религиозные верования, значительное место среди которых занимали культ Тенгри и культ предков. Отдельные группировки поклонялись огню, солнцу, звездам, реке и горам. Распространенной формой религии был шаманизм. Вместе с тем, некоторые группы кимаков исповедовали манихейство – религию христианского толка. Быть может, ислам получил определенное распространение среди кимакской знати; по крайней мере, само имя Джанах ибн Хакан ал-Кимеки как будто свидетельствует об этом, как и написанная им по-арабски книга. В этом отношении немаловажно и то, что отдельные особенности кимакских погребений относят за счет мусульманских погребений. Как известно, приобщение к одной из мировых религий (исламу, христианству) является определенным показателем уровня социально-экономического развития.

И в социальном, и в культурном отношении кимаки во многом унаследовали и развили традиции, сложившиеся в древнетюркской среде VI–IX вв., а с конца IX до начала XI в. у них существовало сложившееся государство.

В средневековых источниках сообщается о политических взаимоотношениях кимаков с сопредельными народами. Во внешнеполитическом курсе кимакский каган был довольно предприимчив. Так, ал-Идриси о нем сообщает следующее: «Царь кимеков один из великих царей и один из славных своим достоинством... Тюркские цари опасаются власти хакана кимеков, боятся его мести, остерегаются его силы, берегутся его набегов, так как они уже знали это и испытали от него раньше подобные действия» [2, с. 119].

О военной экспансии кимакских правителей на юг, завершившейся захватом части земель токуз-гузов, свидетельствует сообщение о том, что кимакский город Карантия, расположенный на юго-восточном берегу озера Гаган (совр. Алаколь), некогда принадлежал токуз-гузам. Кимаки совершили набеги на Джамлекес в Восточном Туркестане, пограничный город токуз-гузов, сохранивших в X в. лишь северо-западную часть своих владений.

Вместе с тем, и это очень важно, источники отмечают, что в мирные времена кимаки перекочевывали в земли огузов, а огузы – к кимакам. Войны не были определяющими в отношениях между ними. Не случайно поэтому, что тесные связи между кимако-кыпчакскими и огузскими племенами наложили печать на их язык, быт и культуру.

Основываясь на косвенных данных ал-Идриси, можно предположить, что каган кимаков вторгался и в страну енисейских кыргызов. «Все города страны кыргызов, – сообщает ал-Идриси, – расположены на территории, пространство которой измеряется тремя днями пути. Их четыре, большие, окруженные стенами, и обитаемые трудолюбивыми и мужественными народами, которые особенно должны опасаться предприимчивости царя кимеков, воинственного государя, который находится почти всегда в состоянии войны со своими соседями». Но, с другой стороны, только тесными этнокультурными связями между кыргызскими и кимакскими племенами объясняется наличие у них многих сходных черт в быту. Так, район кимаков, называемый Кыркырман, был известен своим населением, обычаи которого были похожи на обычаи кыргызов.

В свою очередь, сопредельные династии и народы совершали нападения на становища кимаков. Предпринимались военные походы караханидов вглубь кимакских земель, порой они доходили до Иртыша.

В начале X в. рубежи кимакского каганата стабилизировались. Взаимные военные набеги кимаков и их соседей все чаще сменялись мирным общением с соседями. Об этом могут, в частности, свидетельствовать многочисленные торговые пути к кимакам, пролежавшие из Волжско-Камской Булгарии в Поволжье, Саманидов из Средней Азии, от огузов, карлуков, токуз-гузов и кыргызов. От тракта Великого Шелкового пути ответвлялась сеть караванных дорог, ведущих к ставке кагана на Иртыше.

Падение кимакского каганата. В конце X – начале XI в. распадается кимакское государство. Его падение было вызвано двумя причинами: внутреннего характера, связанного, главным образом, с центробежными тенденциями кыпчакских ханов, стремившихся к самоопределению и созданию собственной государственности, и внешними событиями, скорее всего, под действием миграции кочевых племен Центральной Азии, переселение которых относится к началу XI в. Основной причиной миграции ученые считают образование в Северном Китае в 916 г. государства Ляо, основанного кочевыми племенами киданями. Расширение земель этой державы на запад привело в дальнейшем к передвижению кочевых племен. Отзвуки грандиозной миграции племен отразились во многих средневековых источниках: арабо-персидских, русских, армянских, венгерских, византийских, сирийских. Из этого круга следует отметить прежде всего сведения арабского ученого ал-Марвази (XII в.), в сочинении которого сохранена наибольшая информация относительно данного передвижения: «Среди них (тюрок) есть группа людей, которые называются кун, они прибыли из земли Китай, боясь китайского хакана. Они – христиане несторианского толка. Своей округе они покинули из-за тесноты пастбищ. Из их (числа) Икинджи ибн Кочкар Хорезмшах. Их (кунов) преследовал народ, который называется каи. Они многочисленнее и сильнее их. Они прогнали их с тех пастбищ. Тогда куны переселились на землю шары, а шары переселялись на землю туркмен. Туркмены переселились на восточные земли огузов, а огузы переселились на земли печенегов, поблизости от Армянского моря». Под Армянским морем имеется в виду Черное море. Следовательно, эта миграция затронула народы от Китая до Черного моря.

Анализ этих сведений рядом ученых позволяет воссоздать в кратком виде следующую картину: племена каи и кун, потеснив группировки кимако-кыпчакских племен в Северо-Восточном Семиречье и Прииртышье, нанесли удар кимакскому государству. Тем самым каи привели в движение кыпчаков, вытеснивших огузов из бассейна р. Сырдарья, Западного Приаралья и Северного Прикаспия и вынудивших их переселиться в причерноморские степи.

После захвата огузских земель кыпчакские ханы значительно усилились и сделали первенствующими по силе и мощи на основной территории прежнего расселения кимако-кыпчакских и куманских племен, кимаки же в ходе этих событий не только потеряли политическую гегемонию, но и оказались в зависимости от кыпчаков. Одна часть кимаков удержалась на Иртыше, вторая оказалась в области Туркестана и Средней Азии, а третья группировка в составе кыпчакских племен двинулась на запад, в Южнорусские степи. Кыпчаки стали приемниками кимакской государственности.

Этнический и племенной состав. В источниках нет никаких прямых указаний, ставящих под сомнение тюркскую этническую и языковую принадлежность кимаков. Напротив, все писавшие о них единодушно относили кимаков к числу основных тюркских племен. Первое по времени упоминание этнонима кимаков в письменных источниках относится к событиям VIII в. и связано со списком политически и социально значимых тюркских народов по данным арабского географа Ибн Хордадбега (IX в.), в сочинении которого перечисляются кимаки наряду с токузгузами, огузами, печенегами, карлуками, кыпчаками, азкишами, тюргешами.

Первоначальный состав кимаковской федерации приведен в сочинении Гардизи. В этот союз входили семь племен: татары, кыпчаки, имеки, эймюры, баяндур, ланиказы, аджлары. Никаких данных ни об одном из племен Гардизи не приводит, все они выступают у него как издавна существующие и известные. Не указывает он также, откуда происходят эти племена. Рассмотрение истории племен, входящих в кимаковский союз, дает основание предполагать, что они выходцы из Центральной Азии.

Кимаковское племя эймюр известно также среди огузов. Оно упоминается в VIII в. и среди двенадцати уйгурских племен. Появление эймюров в племенном составе кимаков и среди сырдарьинских огузов говорит о движении эймюров в западном и северо-западном направлениях. Эймюры не ассимилировались ни в кимаковской, ни в огузской среде, а входили в их состав как племя.

Упомянутый у Гардизи этноним имек отождествляется с тюркским племенем яньмо китайских летописей VII в. В мусульманских источниках имя племени впервые зарегистрировано в «Худуд ал-алам» в названии столицы кимаков Имекия, впрочем, по другим источникам та же резиденция кагана называется Кимекия. Титул главы кимаковской конфедерации племен был известен, согласно Гардизи, как имек-байгу, а по сведениям ал-Масуди – кимаков байгу. Махмуд ал-Кашгари кимаков называет ймеками.

Третье племя кимаков – татары – впервые упоминается в древнетюркских надписях VIII в. в связи с событиями VI в. под именем отуз-татары. В других тюркских надписях они известны как тогуз-татары. Постоянное политическое взаимодействие тогуз-татар с основными огузскими племенами позволяет считать, что в VIII в. эта группа татарских племен населяла северо-восточную часть Монголии. В 740–840 гг. татары входили в Уйгурский каганат. После крушения Уйгурского каганата татары вместе с огузо-уйгурскими племенами мигрировали в Восточный Туркестан. Аноним «Худуд ал-алам» прямо причисляет татар к токузгузам. Среди племен, говоривших на тюркских языках, упоминает татар и Махмуд ал-Кашгари.

Упоминание о родственниках кимакам кыпчаках содержится в тексте рунической надписи середины VIII в. В мусульманских источниках этноним кыпчак впервые упомянут Ибн Хордадбехом в списке тюркских племен, относящемся также к VIII в.

Ибн Хордадбех называет кыпчаков уже отдельно от кимаков. По «Худуд ал-алам», кыпчаки – народ, отделившийся от кимаков и более примитивный по образу жизни. Заняв территорию западнее кимаков, кыпчаки все же сохраняли политическую зависимость от них. Правитель кыпчаков назначался каганом кимаков. Махмуд ал-Кашгари, отмечая близость имеков и кыпчаков, подчеркивал, что сами кыпчаки не отождествляли себя с имеками, а лишь считали себя связанными с ними происхождением.

Таким образом, все древнейшие сведения о кыпчаках хотя и позволяют считать их в VIII–XI вв. политически связанными с кимаковским племенным союзом

(позднее государством), однако отмечают слабость этих связей, различие этнических территорий, а также отличия экономического и бытового характера. Мнение о полном тождестве кимаков и кыпчаков ошибочно, так как согласно сведениям, имеющимся в мусульманской средневековой историографии, они являлись лишь двумя родственными племенами.

Формирование кыпчакской этнической общности в VIII–X вв. было сложным и длительным процессом, в развитии которого прослеживаются два этапа.

Первый этап связан с продвижением в Прииртышье значительных групп кыпчакских племен из Внутренней Азии в итоге поражения, которое они понесли вместе с тюрками в 742 г. от токуз-гузов, захвативших древнетюркский домен в Северной Монголии. В области среднего Иртыша и Алтая кыпчаки вошли в ядро кимакской федерации. Стремление основных кыпчакских племен к самоопределению привело их в конце VIII в. к отделению от кимаков.

Второй этап датируется временем с конца VIII в. до начала XI в. Взаимодействие и интеграция основных этнических общностей проходили при консолидирующей роли кимакских племен. В этот период кыпчаки находились в тесных этнокультурных взаимосвязях и взаимодействиях с конфедерациями печенежских, карлукских и в особенности огузских племен. Вместе с тем, линия внутреннего этнического развития кыпчакских племен была направлена на ассимиляцию древних насельников, местных огузских, угро-финских, сармато-аланских этнических групп.

Впервые этноним баяндур в нарративных источниках встречается у Гардизи как племя кимаков. О них пишут Махмуд ал-Кашгари и Рашид ад-дин, упоминающие баяндуров в качестве огузского племени. Очевидно, часть баяндуров входила в состав кимаков, а другая – в состав огузов. Шестым и седьмым племенем упоминаются ланиказ (В. Минорский читает как нилказ) и аджлар [3, с. 132; 1, с. 184].

Как показывает анализ племенного состава, большое влияние на историю кимаков оказал разгром енисейскими кыргызами Уйгурского каганата в 840 г. По всей вероятности, к этому времени относится появление эймюров и баяндуров как в кимакском племенном союзе, так и в огузском на Сырдарье, а татар – среди кимаков.

В ходе становления кимакского государства изменяется количественный состав кимакских племен. По данным «Худуд ал-алам» и ал-Идриси, ядром кимакского государства стали двенадцать племен. На территории, подвластной кимакам, помимо кыпчакского объединения упоминаются и куманы, отдельные группировки которых в XI–XII вв. вошли в родоплеменной состав кыпчаков. Средневековые арабские географы упоминают куманов как самостоятельный этноним, что представляет собой весьма примечательный факт, ибо в отечественной и зарубежной историографии широко распространено мнение о тождестве кыпчаков и куман. По сведениям письменных источников, в IX–X вв. куманы составляли западную ветвь трехсоставного объединения племен кимаков, кыпчаков и куманов. Исходным ареалом обитания куманов следует считать Южную Сибирь, область Северного Алтая. После падения Западнотюркского каганата в середине VII в. происходит обособление ряда тюркоязычных племен и одновременно идет сложный процесс их консолидации. На территории северо-западного Алтая возникает этнокультурная общность кимаков и кыпчаков. В конце VIII в. значительные группировки кыпчаков, по всей видимости, вместе с куманами отделяются от кимаков и занимают земли к западу от Иртыша вплоть до Южного Приуралья. Кыпчакские и куманские племена до конца X в. находились в политической зависимости от кимакского ка-

ганата и входили в государство на обширной территории от Иртыша до Волги. Когда оно перешло в руки кыпчакских ханов, кимаки и куманы наряду с другими племенами вошли в орбиту политического влияния кыпчаков.

Расселение кимаков, кыпчаков и куманов. До середины VIII в. кимаки, кыпчаки и куманы обитали в степном Алтае, Горном Алтае и Прииртышье. Соседями кимаков на юге были карлуки, жившие на Иртыше между Южным Алтаем и Тарбагатаем, на востоке кыргызы с центром в Минусинской котловине. Со второй половины VIII в. кимаки стали двигаться в южном направлении и расселяться на землях карлуков. В начале IX в. отдельные группы кимаков перешли на территорию Северо-Восточного Семиречья, став соседями токуз-гузов, а граница между ними проходила по Джунгарскому хребту. К югу от Джунгарского хребта располагалось государство токуз-гузов.

Вместе с движением кимаков на юг во второй половине VIII в. происходило перемещение кыпчаков от Иртыша на запад. Данные текста сочинения ал-Идриси и картографического материала, заключенного в нем, позволяют локализовать отдельные группировки кыпчакских племен в междуречье Иртыша и Тобола. На рубеже VIII–IX вв. западная часть кыпчаков расселяется к северу от печенегов. Печенеги, как известно, в VIII – первой половине IX в. жили в бассейне Сырдарьи и в Приаральских степях. Следовательно, в пределах между юго-восточной частью Южного Урала и северной областью Приаральских степей проходила непосредственная граница кыпчаков и печенегов. В начале IX в. племена кимаков подступают к районам средней Сырдарьи. В середине IX в. печенежская конфедерация потерпела поражение от союза огузов, кимаков и карлуков. В результате этих событий огузы овладели землями союза печенежских племен по Сырдарье и в Приаральских степях. Племена печенежской конфедерации в этой сложившейся обстановке переселились и заняли пастбища между Яиком (Урал) и Итилем (Волгой). Однако в конце IX в. огузы в союзе с хазарами нанесли поражение печенегам и овладели междуречьем Яика и Итиля. Основная масса печенежских племен вынуждена была мигрировать в Юго-Восточную Европу, а их оставшаяся часть вошла в состав огузов и кимако-кыпчакского племенного объединения.

К этому времени (конец IX – начало X в.) относятся сведения ал-Идриси относительно расселения куманов. На карте ал-Идриси «Сурат ал-ард» к северу от Каспийского (Бахр ал-хазар) и Аральского (Бухайрат ал-Хваризм) морей расположены горы Аскасия. Они описываются протянувшимися в меридиональном направлении с севера на юг с небольшим уклоном в сторону востока. Из этих гор вытекают несколько рек, в том числе, что особенно важно для целей идентификации топографических объектов, река Итиль, впадающая в Каспий.

Описанные характеристики гор позволяют с уверенностью отождествить Аскасия с Уральскими горами. Арабские географы Ибн Сайд и Абу-л-Фида указывают, что в предгорьях Аскасия, к югу от них, обитали куманы. На незначительном отдалении к юго-востоку от Аскасия на карте показаны горы Тагура, где находилась цитадель страны куманов со столицей Куманией. Тагура, в соответствии с реальной географической схемой, сопоставима с Мугоджарскими горами. Судя по тексту средневековых сочинений, Мугоджары являлись основной областью расселения куманов. Как явствует из данных письменных источников, куманы расселялись в пространстве между северными приаральскими степями и предгорьями Южного Урала. К югу от них находились огузы (согласно «Малой» с ал-Идриси) и кимаки, на западе – печенеги, на северо-западе – болгары, на северо-востоке – кып-

чаки. Анализ текстологического и картографического материалов дает основание датировать сведения средневековых авторов о куманах IX–X вв. Куманы составляли западную ветвь кимако-кыпчакского объединения.

В начале X в. кимаки и кыпчаки вместе с огузами кочевали в бассейне Урала, в Приаральских и Прикаспийских степях. Расселение этих племен нашло отражение и на средневековых картах арабских географов. Так, на «Карте мира» ал-Истахри кимаки занимают земли к северу и северо-западу от Аральского моря.

В пределах Южного Урала кыпчаки граничили с племенами «башгурд». Арабский путешественник Ибн Фадлан (X в.) свидетельствует об обитании «башгурт» в этом районе и отмечает их расселение у реки Багнады, вероятно, соответствующей нынешней Явынды. Непосредственные контакты кыпчаков с племенами «башгурт» привели со временем к взаимопроникновению в культуре и языке.

Зимовки и летовки кимацких и огузских племен, как отмечает историк ал-Масуди (X в.), были расположены по рекам Эмбе и Уралу. Кочевание группы кимацких племен на Эмбе и Урале отмечается сведениями ал-Масуди. О Белом и Черном Иртыше, впадающем в Каспийское море, ал-Масуди сообщает: «Между их устьями около десяти дней пути; на них расположены зимовки и летние кочевья кимаков и огузов». Эти реки идентифицируются с Эмбой и Уралом. До сих пор не получило удовлетворительного объяснения возникновение топонимов Белый и Черный Иртыш на столь значительном отдалении от собственно Иртыша. По нашему мнению, в этой уникальной информации проявилась закономерность, характерная для эпохи раннего средневековья, заключающаяся в отражении географической среды в этническом самосознании. Так, ландшафты этнической территории запечатлеваются в сознании населявших ее людей в виде обожествленных представлений о «родной земле». Этнос, переселившийся на другую территорию, переносит туда названия обожествленных гор, озер, рек с прежних мест своего обитания. В этой связи вспомним сообщение Гардизи: «Река Иртыш – бог кимаков». Лишь кимаки могли назвать Эмбу и Урал по месту своего прежнего расселения Белым и Черным Иртышом. Очевидно, источником данной информации для ал-Масуди послужили выходцы из кимацкой среды.

Свидетельство кочевания кимаков на Урале подтверждается также сведениями автора «Худуд ал-алам». Согласно этому источнику, «река Артуш течет между землями кимаков и огузов». Артуш, по мнению В. Минорского, соответствует Уралу. Далеко не ясное представление о гидрографии отдаленных от мусульманского мира областей «неверных» нашло отражение в анонимном сочинении автора X в. Наличие непосредственной границы и теснейших этнокультурных связей между кимаками и кыпчаками, с одной стороны, и огузами – с другой, наложило отпечаток на этнические и социальные процессы, на материальную и духовную культуру. Согласно показаниям персидского источника, некоторая часть кимаков походила на огузов своими обычаями.

Полагаясь на данные «Круглой карты мира» неизвестного арабского географа, можно вполне определенно говорить о западных границах расселения кимаков: это северо-восточная часть Прикаспийских степей, бассейн рек Урала и Эмбы, районы к северу от Аральского моря до Южного Урала. Карта отражает расселение кимаков в X в.

Значительные сведения, относящиеся к этому времени, содержатся в «Худуд ал-алам» в разделе о кимаках, где сообщается о трех территориальных единицах в пределах кимаков. Первая – Андак ал-хифчак, область некоторой части кыпчаков,

примыкавшей на западе к кимакской территории и похожей на огузов некоторыми своими обычаями. Андак ал-хифчак, по всей вероятности, занимала северо-западную и западную часть современного Центрального Казахстана и северную окраину Приаральских степей, т.е. области, находящиеся на непосредственных подступах к пределам огузов. Многовековые теснейшие связи между кыпчакскими и огузскими племенами наложили отпечаток на их язык, быт и культуру. Диалект кыпчакского языка, по словам Махмуда ал-Кашгари, имел ту же самую фонетическую особенность, что и диалект огузов – элемент «жекания».

«Йагсун-йасу» – другой район кимаков, расположенный между реками Волга и Яик и имеющий более благоприятные и более умеренные климатические условия. По мере движения на запад кимакские племена переносили на новые места названия топонимов, которым поклонялись.

«Кыркырхан» – третий район кимаков, чьи обычаи немного похожи на обычаи кыргызов. Очевидно, эта область находилась гораздо ближе к каким-то группам кыргызов, чем к другим соседним тюркским племенам. Сравнительно-сопоставительный анализ этого историко-географического термина с сообщениями других письменных источников позволяет локализовать Кыркырхан в районе от Тарбагатай до Калбинского хребта, включая хребет Чингизтау.

Отдельные группы кимакских племен доходили и до Каспийского побережья. Почти каждый город, река или пустыня за определенный исторический период имели по нескольку названий. Эти названия связаны с общеизвестными топонимическими закономерностями: море называется по именам стран, окружавших его, по именам городов, расположенных на его берегах, по именам впадающих рек, по именам народов, живших на побережье. На проникновение кимаков в Прикаспийские степи указывает недолго существовавшее в топонимике название Каспийского моря – Кимакское море, упоминаемое в «Шахнаме».

Во второй половине X в. отдельные группы кимаков и кыпчаков находились у границы мусульманских областей Туркестана. Город Сауран, согласно ал-Макдиси (X в.), был пограничным с огузами и кимаками укреплением. Этот автор называет еще большой, богатый город Шагльджан, находящийся в 26 км к северу от Туркестана, как пограничную крепость против кимаков, большой укрепленный пункт.

На юге оз. Балхаш было естественной границей между кимаками и карлуками в Семиречье.

На севере кочевья кимакских племен доходили до лесостепной полосы. Северо-восточные границы страны кимаков охватывали области Западного и Северного Алтая и прилегающие районы юга Западной Сибири в пределах распространения сроткинской культуры кимаков. Крайние восточные памятники сроткинской культуры находились в западных отрогах Кузнецкого Алатау. К рассматриваемому времени, видимо, относится путешествие Абу Дулафа, которому пришлось ехать по земле кимаков 35 дней.

Таким образом, под политической гегемонией кимаков находилась обширная территория: от Алтая и Иртыша на востоке до Итиля и Южного Урала на западе, от Кулундинской степи на севере до оз. Балхаш и Джангарского Алатау на юге. Древние земли кимаков были расположены на Иртыше, где находились две столицы кимакского хакана – старая и новая. В начале XI в. наследниками этих обширных земель стали кыпчаки.

Хозяйство кимаков. Главным занятием кимаков было кочевое скотоводство. Кочевники регулярно совершали длительные переходы по сезонным пастбищам.

Пути кочевков, вырабатывавшиеся веками, пролегали по известным бродам рек, удобным перевалам гор, пастбищам с обильным кормом и хорошими водопоями. Использование пастбищ предполагало знание состояния травяного покрова в том или ином районе в соответствующее время года. Устойчивые маршруты изменялись только под влиянием крупных экономических или политических обстоятельств.

Некоторые группы кимаков на зимовку прикочевывали в степи между Уралом и Эмбой, а летовку проводили в Прииртышье. Средневековые авторы отмечают, что кимаки разводили лошадей, овец, коз, коров, быков, верблюдов.

Важнейшую роль в их хозяйстве играло овцеводство. «Жир употребляли вместо растительного масла, сало – для освещения». В кочевом хозяйстве исключительно важное место занимало коневодство. Именно благодаря подвижности и выносливости лошадей могли осваиваться отдаленные пастбища. Кони использовались на войне и в облавной охоте. Говоря словами ал-Джахиза, «тюрок сидел на спине лошади больше, чем на поверхности земли». Ибн Фадлан и Гардизи сообщают о громадных табунах лошадей, разводившихся кимаками в X в. Тюркские лошади были хорошо приспособлены к местным природным условиям и круглогодичному содержанию на пастбище, они давали много молока и мяса. Кочевые тюркские племена предпочитали конину говядине и баранине, а из кобыльего молока изготавливали напиток – кумыс.

Разводились две породы лошадей – невысокие, с массивной головой, с толстой и короткой шеей, и рослые верховые кони, с небольшой головой и тонкими ногами. Таким ибн Бахр, отметивший у царя кимаков и его войска лошадей «с тонкими копытами», по всей вероятности, имел в виду скаковых лошадей.

В некоторых источниках сообщается о разведении кимаками коров и быков. Вероятно, крупный рогатый скот, в основном, содержали полuosедлые группы, хотя и быки использовались кочевниками для упряжек. Разводились и козы, но они не играли большой роли в скотоводческом хозяйстве.

Мясо и молоко употребляли в пищу, шерсть – для изготовления войлока, шерстяной одежды, ковров и других изделий. Животноводческая продукция шла не только для удовлетворения внутренних потребностей, но и на продажу в соседние земледельческие области.

Охотничий промысел. Одним из источников существования у кимаков служила охота. В IX в. ал-Йакуби писал, что кочевые тюрки «больше всего едят дичь». Интересное описание способов охоты тюрков имеется у Джахиза. По его словам, они любят охотиться и даже во время набегов промышляют дичь, охотятся верхом; они необычайно выносливы на охоте, особенно в преследовании джейранов и куланов.

Наряду с индивидуальной охотой организовывались и облавные; они, кроме хозяйственных целей, имели и военное значение, являясь своеобразными маневрами, военным учением.

Среди кимаков имелись охотники на пушных зверей – лисиц, куниц, бобров, соболей, горностаев и крупных хищных зверей: тигров, барсов. В Прииртышье найдена бронзовая бляха, на которой изображен кимацкий всадник в характерной короткополой одежде, поражающий копьём тигра. Пушнина для этих племен была одним из предметов сбыта в другие страны.

Отдельные группы кимаков, главным образом малоимущие, занимались рыбной ловлей на Иртыше и других реках. В «Диван лугат ат-турк» и арабо-кыпчакских глоссариях приведена кимако-кыпчакская терминология рыболовных ору-

дий труда: аргак – крючок, аг – сеть, ужан (улук) – маленькая лодка, кеми (караб) – большая лодка. Сведения нарративных источников подтверждаются археологическими материалами из Прииртышья. В могильниках VIII–IX вв. найдены скульптурные изображения рыб.

Оседлые и полуседлые группы. Среди кимаков имелись компактные группы полуседлого и оседлого населения. Характеризуя тюркские племена, ал-Идриси пишет: «Люди кочевые... Однако они обрабатывают землю, сеют и жнут».

Оседлые поселения у кимаков отмечены многими арабо-персидскими авторами. Тамим ибн Бахр, видевший хакана кимаков с войском, рассказывает, что около его ставки имеются селения и возделанные земли. В «Худуд ал-алам» раздел о кимаках начинается со слов «рассуждение о стране кимаков и их городах», а затем упоминаются Имекия (по другим источникам Кимекия) – летняя резиденция хакана и селение Жубин. В противоположность основному типу передвижного жилища, приспособленного к кочевому образу жизни – юрте, Исхак ибн ал-Хусейн и ал-Марвази сообщают о кимакских землянках.

Наибольшую информацию о городской жизни кимаков содержат сочинения ал-Идриси. Ссылаясь на книгу кимакского царевича Джанаха ибн Хакана ал-Кимеки, он говорит о шестнадцати городах кимаков по берегам озер, рек, в неприступных горных районах и в местах разработок полезных ископаемых. Многие из них находились на торговых трассах. Кимакские города были хорошо укреплены. Упоминаются в источниках замки-крепости, расположенные в горах, у основания которых рылись рвы, заполнявшиеся водой.

Полуседлые и оседлые группы кимаков занимались земледелием, сеяли главным образом просо. Абу Дулаф свидетельствует, что кимаки употребляли в пищу горох, бобы и ячмень. Ал-Идриси сообщает, что у кимаков есть районы с плодородными землями, где сеют пшеницу и ячмень, говорит о выращивании ими такой трудоемкой земледельческой культуры как рис, что возможно лишь на поливных землях.

О традиционном возделывании этих культур позволяют судить термины, употреблявшиеся кимако-кыпчакскими племенами для их обозначения и сохранившиеся в толковых словарях. Все они тюркского происхождения: экин – посев, бугдай – пшеница, тару (тарыг) – просо, арпа – ячмень, тутарган – рис, мерджамак – чечевица, ирдан – гумно. Земледельческое хозяйство кимаков было натуральным и едва обеспечивало нужды собственного потребления. Сведений о продаже или обмене ими своей земледельческой продукции нет. Таким образом, у кимаков существовало несколько различных хозяйственно-культурных типов, связанных с преобладанием кочевого или полукочевого скотоводства, наличием земледельческого хозяйства при полуседлом скотоводстве или промысловой охоте и рыболовстве.

Домашние промыслы и ремесла. Самой развитой формой домашних промыслов и ремесла у кимаков была обработка и переработка животноводческой продукции и сырья. Кожа шла на изготовление различных видов обуви, посуды, колчанов, налучников, конской сбруи, мешков; войлоком покрывали юрты, из него делали одежду. Ал-Йакуби отмечает, что «тюрки – самый искусный народ в изготовлении войлока, потому что из него их одежда». Для одежды использовались также шкуры диких животных и меха пушных зверей.

Рядовые общинники обычно сами изготавливали для себя различные предметы вооружения, хозяйственного и бытового назначения. В этом отношении интересно свидетельство ал-Джахиза: «Тюрк делает все процессы ремесла сам, не просит по-

мощи у товарищей и не обращается за советом к другу: они (тюрки) производят оружие, стрелы, седла, колчаны, копья».

В быту широко применялись деревянные изделия – седла, посуда, лодки, части юрты, упоминаются также лыжи.

В принадлежавших кимакам поселениях было налажено гончарное производство. Кроме того, на территории их обитания добывалось железо, серебро, золото, медь и драгоценные камни. «Из железа тамошние мастера, – писал ал-Идриси об кимаках, – делают изделия необычайной красоты». Из золота и серебра изготавливали предметы роскоши и украшения. По сведениям ал-Идриси, царь кимаков носил одежду, шитую золотом, и золотую корону. Он описал технологию плавки золота у кимаков: «По обычаю (кимаки) золото собирают и моют в воде, промывая его, затем смешивают крупы золота с ртутью и сплавляют смесь в коровьем помете. И таким путем собирают значительное количество золота» [2, с. 96].

Существование ремесленного производства у кимаков подтверждается археологическими материалами. При раскопках их поселений и курганных захоронений найдены железные изделия, украшения из золота, серебра и бронзы, остатки кошмы и кожи, деревянной посуды, оружие и различная гончарная керамика.

Список литературы

1. Зуев Ю. А. «Джами ат-таварих» Рашид ад-дина как источник по ранней истории джалаириков // Письменные памятники Востока – 1969. М.: Наука, 1972. С. 178–185.
2. Кумекон Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. 158 с.
3. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Том 1. Книга 1. М.-Л.: АН СССР, 1952.